

Глава 16

Не дай дурным чувствам обмануть себя

— Подерёмся? — в тринадцатый раз предложил Ван.

— Но ты же не можешь меня победить, — Тао Фанъи не понимал его упрямства. Всякий раз, когда он вступал в бой, у Вана не оставалось ни единого шанса на ответный удар.

Это была не драка, а одностороннее избиение.

Дыхание Вана снова стало тяжёлым.

— Или вот что: создай свой барьер и дави на меня им, а я посмотрю, смогу ли вырваться.

— Это неинтересно, — ответил Тао Фанъи, листая что-то в телефоне.

Ван заметил, что тот читает какой-то текст, который можно было пролистывать страница за страницей.

— Роман читаешь?

— Нет, изучаю возможные пути развития этих двух девочек, — ответил Тао Фанъи. — Каждое их решение влияет на будущее. Раньше я этим не занимался, но после случая с Ли Яо понял, что мне необходимо разобраться в этом получше, чтобы не растеряться, если подобное повторится.

Ван хмыкнул и, пристроившись рядом, тоже принялся читать. Но чем дольше он смотрел, тем больше мрачнел.

— Что это за бред?

— Возможные варианты будущего, — пояснил Тао Фанъи.

— Тут написано, что Ли Яо выйдет замуж за парня, с которым познакомится в старшей школе, переедет в его город, и в итоге он с большой вероятностью ей изменит? — Ван был в шоке.

— Это лишь один из маловероятных сценариев, — успокоил его Тао Фанъи и пролистал немного вперёд. — Смотри, вот здесь написано, что в двадцать пять лет она устроится в очень перспективную компанию, сделает головокружительную карьеру и встретит прекрасного человека.

Ван провёл пальцем по экрану.

— Ага... а потом у них родится ребёнок, которому будет не хватать любви, он нахватается дурных привычек, и они всю оставшуюся жизнь будут с ним мучиться.

Тао Фанъи вздохнул.

— ...Это тоже маловероятный сценарий.

— А не может быть так, чтобы всё шло гладко от начала и до конца? — с недовольством спросил Ван.

— Всё относительно, — Тао Фанъи пролистал дальше. — Где есть взлёты, там есть и падения.

— О! Смотри, а вот вариант, где она сорок лет будет бороться с трудностями, а в свой сорок девятый день рождения наконец обретёт успех, — Тао Фанъи протянул телефон Вану. — Она создаст очень популярную марку таньюаней.

Ван взглянул и закрыл лицо руками.

— А вот это интересно, — оживился Тао Фанъи. — Похоже, её бренд станет одним из ведущих. Хотелось бы попробовать, насколько они вкусные.

— Постой, в предыдущем варианте она стала топ-менеджером в IT-компании, а теперь продаёт таньюани? — изумился Ван.

— Да, но на развилке перед этими двумя вариантами она сделала более четырёхсот различных выборов, — пояснил Тао Фанъи. Каждое решение, накладываясь на другие, создавало совершенно новую возможность.

— Хватит, чем больше ты говоришь, тем бессмысленнее всё это кажется, — Ван не мог понять, как Тао Фанъи вообще способен в это вникать.

— Почему?

— Да потому что все варианты — так себе! — Ван не знал, как это описать. — Во всём этом «прекрасном» скрыты мины. Такое чувство, что её жизнь — это игра в «Сапёра».

— О, я играл в «Сапёра»! — обрадовался Тао Фанъи. Этот тренд он застал.

— Поразительно, — безэмоционально похвалил его Ван.

— Но ведь так всегда и бывает, — Тао Фанъи отложил телефон. — Итог складывается из бесчисленных мелочей.

— У неё есть шестьдесят три варианта, где её на пешеходном переходе сбивает машина, — добавил он.

— Да этот файл просто перечисляет все возможные несчастные случаи! — у Вана дёрнулся уголок губ.

— Не совсем. За каждой аварией стоит множество мелких событий, которые к ней приводят, — Тао Фанъи считал, что официальное оборудование работает безупречно, хотя просмотреть такой огромный объём данных было практически невозможно.

— Значит, жизнь — это сплошные ловушки, — заключил Ван.

— А разве не ожидание приятных сюрпризов? — возразил Тао Фанъи.

— Рядом с которыми притаилась куча неприятностей, — напомнил Ван.

Тао Фанъи думал иначе.

— Это рядом с неприятностями спрятаны сюрпризы.

Они заспорили, но их спор напоминал попытку выяснить, какого цвета тигр: жёлтый в чёрную полоску или чёрный в жёлтую, — и ни к чему не приводил.

— Когда человек стареет, его тело увядает. Это самый унижительный период жизни: медленная потеря сил, достоинства и, наконец, смерть, — повысил голос Ван. — Лучше уж покончить с собой до этого.

— А что, если большинство сюрпризов спрятано как раз в старости? — не сдавался Тао Фанъи.

— Да какие сюрпризы, когда ты уже старик?!

— А ты что, был стариком?! — Тао Фанъи вскочил и упёр свои круглые руки в бока.

— Хотя у человека множество возможных путей, он не может прожить тысячи жизней. Путь всегда один, — Тао Фанъи ткнул пальцем в сторону Вана. — Счастье отмерено каждому, и оно разбросано по всей жизни, как спрятанные подарки. Нужно лишь внимательно их распаковывать.

— И что толку их распаковывать? Жизнь от этого не станет беззаботной, — развёл руками Ван.
— Говоря прямо, чем лучше сейчас отношения у этих сестёр, тем больнее будет той, кто останется одна, когда всё закончится.

— Боль лишь доказывает, как они были счастливы на этом пути, — ответил Тао Фанъи.

— Откажись от этого счастья — и не будет боли.

Тао Фанъи промолчал.

Ван решил, что убедил его.

Но Тао Фанъи опустил руки и произнёс:

— Боль — это очень острая форма счастья.

Странное описание, но Тао Фанъи знал, о чём говорит. Он видел бесчисленное множество людей, но до своего срыва он мог пересчитать по пальцам одной руки тех, к кому испытывал привязанность.

Тот срыв тоже был вызван неприятием разлуки, болью.

— Тогда я не мог совладать с собой. Мне было так больно, что хотелось вырвать сердце и выбросить его, — тихо сказал Тао Фанъи. — Но я не хотел бы никогда не встречать тех, кого любил. — По сравнению с болью разлуки, мысль о том, что их никогда не существовало, была для него невыносимее.

Тао Фанъи считал, что прожил пятьсот лет, потому что его чувства существовали лишь пятьсот лет. А до этого он просто смотрел и слушал, но не жил.

Ван некоторое время смотрел на него, а потом наклонился.

— Мы с тобой ведь тоже встретились, так?

Тао Фанъи кивнул.

— Если в будущем ты полюбишь меня очень-очень сильно, — сказал Ван, — так сильно, что, если я исчезну, ты захочешь умереть вместе со мной, — ты не пожалеешь?

— Это будет означать, что счастье, которое ты мне подарил, оказалось непосильным для моей жизни? — Тао Фанъи не воспринял это как вызов. Он серьёзно задумался и ответил: — Должно

быть, это невообразимое, огромное счастье.

— И ты готов это принять?

— Наверное, это прекрасно! — Тао Фанъи даже захотелось этого.

— Ха, у тебя и впрямь странный образ мыслей, — отмахнулся Ван.

— А ты не хочешь таких чувств? — Тао Фанъи считал, что это хорошо.

— Я в жизни не захочу таких чувств, взятых в кредит. Мои желания просты, цели — тоже, — Ван лишь хотел вернуться в Боевой отдел и получше спрятать свои увлечения.

— Я не собираюсь безрассудно влюбляться, — Ван решил, что Тао Фанъи — потенциальный романтик, причём из тех опасных, что готовы покончить с собой из-за любви.

— Ого! Закрытое сердце! — Тао Фанъи встречал много таких персонажей, правда, в основном в книгах.

И у всех них был один и тот же финал.

— Смотри, как бы кто-нибудь не пробил твою защиту.

— Это не так-то просто. Это тебе нужно быть осторожнее! — Ван ткнул пальцем в грудь Тао Фанъи. — Таких кукол, как ты, легко обмануть, забрать и тело, и душу, а потом ты из-за любви начнёшь сходить с ума, убивать направо и налево, и в итоге закончишь, как тот лис или тот буйвол...

Ван замолчал, вспомнив, как выглядели те двое детей. Один — подавленный и мрачный, другой — чрезмерно весёлый.

— Не смей мне перерождаться, — хоть они и были знакомы недолго, Ван не мог допустить, чтобы Тао Фанъи стал таким.

— Закрой своё сердце, — серьёзно сказал он.

— Так что, мы создадим дуэт закрытых сердец? — Тао Фанъи, в общем-то, не возражал против влияния чувств, но и специально искать их не собирался.

— Почему в твоих устах это звучит так по-детски? — удивился Ван.

— Только не тебе говорить о детскости, — Тао Фанъи считал, что в мире нет никого более инфантильного и странного, чем Ван.

— Ты всё-таки на меня обижен!

Ван снова начал кричать, осуждая Тао Фанъи и одновременно пытаясь внушить ему, что от чувств нужно держаться подальше, что это нехорошо, и что Тао Фанъи должен быть просто сильной куклой.

— Чувства — сложная штука. Такой несмышлёной кукле, как ты, их не понять.

Они спорили ещё долго, пока не вернулись Ян Хунлин и Жэнь Ин с Жэнь Синьсинь.

После ссоры в детском саду между Ян Хунлин и Жэнь Ином возникло напряжение. Ян Хунлин считала, что Жэнь Ин был слишком резок, а тот, в свою очередь, полагал, что раз его дочь ударили, то он и так проявил сдержанность, не набросившись на обидчицу. Он не понимал, почему Ян Хунлин так робеет.

В присутствии ребёнка они сдерживались, но стоило им оказаться в своей комнате, как начинался скандал.

— Видишь? Вот тебе и чувства. Сплошной хаос, — сказал Ван.

Тао Фанъи, прильнув к щели в двери, смотрел наружу. Он увидел, как Жэнь Синьсинь одиноко сидит в углу.

Ян Хунлин и Жэнь Ин ссорились всё громче, но они не забыли приготовить ужин для дочери и обработать её раны.

Сделав это, они продолжили свой спор.

Жэнь Синьсинь ждала, и тут вернулась Ли Яо.

Едва сняв обувь, Ли Яо услышала крики.

Она посмотрела на Жэнь Синьсинь и увидела, как та открыла рот.

В этот момент её отец проревел:

— Почему это я не мог схватить её за шиворот?! Она мою дочь по лицу ударила!

Жэнь Синьсинь, подражая сердитому выражению отца, беззвучно открывала и закрывала рот, идеально попадая в его слова.

Она походила на куклу-марионетку. Ли Яо, не успев даже разобраться в ситуации, прыснула со смеху.

Жэнь Синьсинь тоже обрадовалась. Она давно готовила этот номер.

Реакция Ли Яо ей очень понравилась.

— Это тоже чувства, — сказал Тао Фаньи.

Он повернулся к Вану и, подражая тону ссорящихся взрослых, тоже начал качать головой и жестикулировать. Его рот не мог двигаться так же, но он дополнил это движениями тела.

Получилось что-то вроде пантомимы.

Закончив, он сам же первым и рассмеялся.

— Как по-детски, — с лёгким презрением заметил Ван.

Но Тао Фаньи продолжал пародировать, изобразив ещё один отрывок из их ссоры, и сам себя так рассмешил, что согнулся пополам, стараясь не хохотать в голос.

— Какой у тебя низкий порог смеха, — Ван невольно улыбнулся, глядя на его тихий смех. — Тебе никогда не стать комиком. Как можно смеяться раньше зрителей?

Тао Фаньи хотел спародировать ещё что-то, но на полпути окончательно потерял контроль.

Кукла, схватившись за живот, рухнула на пол и, словно вытщенная на берег рыба, забилась в конвульсиях, а потом затихла.

Ван:

— ...

Через десять секунд Тао Фаньи судорожно втянул воздух со звуком «кхэ».

Только тогда Ван понял, что тот всё это время беззвучно смеялся.

Ван:

— Пфф... ха-ха-ха-ха!

<http://bllate.org/book/16974/1584421>